

УДК 81'373; 001.4

КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ В ПРИКАМЬЕ XVI-XVIII ВЕКОВ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ ПЕРМСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ). Статья вторая¹

Елена Николаевна Полякова

профессор кафедры общего и
славянского языкознания

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15, 32polyakova@mail.ru

По данным памятников Пермского края XVI – начала XVIII в. рассмотрены названия рыбных, мясных и молочных продуктов, а также основы прозвищ и фамилий из таких названий. Лексика и ономастика свидетельствуют о преемственности культуры питания Русского Севера, о сохранении основных традиций этой культуры в Прикамье с XVI до XX в., о языковых и культурных связях русских с коми-пермяками. Наблюдения этнографов над пермскими данными XIX-XX вв. дополняются результатами исследования деловых текстов XVI – начала XVIII в., актуальными как для этнографии, так и для истории русского языка и ономастики.

Ключевые слова: лексика, ономастика, культура питания, мясо, молоко, рыба.

В первой статье о культуре питания в Прикамье XVI-XVIII вв.² на основе лексики и ономастики памятников письменности рассмотрены названия продуктов растительного происхождения (злаковых, овощей, грибов, ягод) и пищи, приготовленной из них. Они иллюстрируют особенности живой русской речи и делового языка далекой эпохи и вместе с тем дополняют более древним материалом исследования этнографов, проведенные преимущественно по данным XIX-XXI вв.

Однако не меньшую роль, чем продукты, полученные из растений, в питании жителей Верхнего и Среднего Прикамья играли мясной и молочный стол, а также рыба. Их роль особенно возрастала в холодные, неурожайные годы, которые в крае случались нередко, о чем свидетельствует ряд памятников письменности. Так, в XVII в. жители деревни Нырыб (ныне поселок Ныроб) неоднократно составляли челобитные с просьбой освободить их от уплаты подати и церковной руги из-за обнищания вследствие неурожая: *У нас место крайнее подкаменное³ пустое самое студеное хлеб мало родится и морозом озябает по вся годы [Ш 3: 791]⁴.*

Поэтому в пермских памятниках письменности представлена лексика, отражающая употребление мяса, молока и рыбы. Ее анализ актуален для русской исторической лексикологии,

диалектологии, а также для изучения истории культуры Верхнего и Среднего Прикамья.

В писцовых книгах 1579 и 1623 гг. при переписи населения в починках, деревнях и погостах указывалось количество отводимой ему пахотной земли, леса и (что важно для данного исследования) сенокосных угодий. Последние измерялись количеством копен заготавливаемого сена, ср.: *Деревня Толстик на реке на Каме... пашни сорок чети да перелогу десять чети с осминою в поле... сена на реке на Каме по обе стороны и по заполью сто пятьдесят копен [Я: 32 об.]; Деревня Кондратьева... сена на реке на Вишере сто двадцать копен [Я: 37]; Деревня Латырь на ключе... сена по конец поль и меж пашен сто тридцать копен [КЧ: 71]; Починок Спиридоновской на Мошевском озере... сена по Мошевскому озеру тридцать пять копен [КС: 123].*

В Прикамье были хорошие заливные луга по берегам рек и озер, что давало возможность разводить скот. Еще в дорусской истории края животноводство было одной из важнейших форм хозяйства [Поляков 2001: 16], оно активно развивалось и в XVII-XVIII вв.

Русские памятники Прикамья свидетельствуют о разведении лошадей, крупного рогатого скота, овец, коз, свиней. Следов употребления в пищу мяса лошадей в текстах не обнаружено, больше всего документов посвящено выращива-

нию крупного рогатого скота и использованию его мяса.

Слово *скот* зафиксировано и как общее название всех домашних животных (*Подписал... всякой свой конской и рогатой и мелкой скот* [КСГ: 156 об.]), и как название крупного рогатого скота (*Скота у него две коровы редры⁵ да бычек редрой же* [Ар, к. 3: 799]). Однако название одной особи *скотина* относилось только к единице крупного рогатого скота: *Взял де он Яков... у Никиты Голузина пасти скотину ево корову* [КЗСИ: 488]; *Скотину де нетель красную у Ивана Окунева... украли* [КЗСИ: 825]. И *скотским* стадом называли обычно стадо коров: *Та ево Никитина корова из скотцкого стада бежала* [КЗСИ: 488].

В XVII в. отмечается синоним к *скотина* – слово *животина*: *Украли у нас ... неведомые воры две животины быка да теллицу* [КА: 28]. Огороженное место пастбы скота называли *скотным выпуском, скотским выпуском* и *животинным выпуском*: *Украли... у меня сироты Степанова Городища из скотного выпуску две животны [там же]; Скот выходил ис той вашей деревни Кляповы ис скотского выпуску воротами Ивана Дубровина и стояли те ворота полы многое число за оцеп веревкой не привязаны* [КЗСИ: 475]; *Посадских людей животинный выпуск за Колвою-рекою против города* [Ш 2: 200]. Использовались также синонимичные словосочетания *скотинный выгон, скотский выгон* и *животинный выгон*, ср.: *От троеганные ели через согру впрямь до монастырсково скотинново выгону* [Ш 3: 1038]; *Дворами построиться где будет угодно и скотский выгон загородить* [Ш 5₁: 295]; *У Соли же Камской около городу животинной выгон Пыскорского монастыря* [Ш 3: 195].

Слово *животинный* было характерно, видимо, лишь для оборотов делового языка и только при определении места пастбы, в других случаях оно не применялось. Так, при определении продуктов, полученных от крупного рогатого скота употреблялось прилагательное *скотский*: *Сала скотцкого на 10 алтын* [КЗСИ: 358]; *Безмен шерсти овечьи кожа скотцкая сырая* [КСАУ: 123]. Традиция такого употребления слова *скотский* сохранилась в пермской живой речи, в говорах, до настоящего времени, ср.: *Сичас, наверно, есь, не разобрали (у соседей) скотское мясо: корову кололи* [Акчим. сл. 3: 150].

Синонимом к нему в памятниках было слово *говяжий*: *Иван Демьянов принес к нему Степану в дом мяса говяжься... и то де мясо у него было воровской ли скотины или нет про то де он Степан не ведает* [КЗСИ: 825]; *Челобитье на Лазарка Клементьева в неотдаче проданного*

сала говяжься семи пуд [РСЧ 5: 80]. Однако при наличии прилагательного *говяжий* слово *говядина* в исследованных текстах не зафиксировано. В пермских памятниках XVI-XVIII вв. пока не отмечены и другие названия мяса с суффиксом -ин(а), хотя они употреблялись в иных русских источниках того же времени, ср.: *Мясо свиное и говядина тучная и боранина* [СлРЯ XI-XVII вв. 4: 54]; *Товару у него две кипы хмелю да четыре туши мяса свинины* [СлРЯ XI-XVII вв. 23: 162]; *Людем посольским... з дворца: 11 частей говядины, 2 гуся... 5 частей лосины* [СлРЯ XI-XVII вв. 8: 284]. В документах Прикамья словами на -ин(а) называли только кожи, шкуры животных: *Принесли государева ясака только 8 соболей да две лосины* [Ш 4: 520]; *У Григорья да у Луки лосиных кож дватцет... пять оленин* [Ар, к. 3: 815]; *Кожа сырмятная четыре телятины деланные* [КЗСИ: 814]; *Жил де он истец у них и шил три шубы овчинных и украл 3 овчины* [КА: 69]; *Купил он... на Ирбитцкой ярманке про свой домовой обиход... белки и зайчины на шубы* [КСАУ: 229].

Возможно, такое употребление слов с суффиксом -ин(а) было диалектной особенностью Прикамья. Здесь в живой речи, в частности в просторечии, и в настоящее время названия видов мяса на -ин(а) иногда употребляются по-особому. Так, в г. Перми в 90-е гг. XX в., когда в продаже в связи с перестройкой появилось мясо, в витринах некоторых магазинов появлялись и надписи: *Мясо говядины, Мясо свинины, Мясо баранины*, т.е. слова с -ин(а) требовали уточнения в том, что они относятся к мясу.

В памятниках письменности Прикамья зафиксирован ряд слов, свидетельствующих о заготовке мяса впрок в больших количествах, о торговле мясом. В писцовых книгах и в других документах упоминаются мясники, занимавшиеся убоем скота, торговлей мясом: *В городе Камского Усоля... лавка Митрофана мясника* [Я: 5]; *В городе Чердыни... Степанко мясник* [Я: 14]; *А мерою поперег двора от проезжего общего нашего места что меж Никитинским двором и крестьянским двором Ивана мясника... полшестнадцати сажени* [Ш 2: 300]. Мясники образовывали в городах Прикамья в XVII в. свой цех – *мясницкую полусотню*, ср.: *Велено владеть соляными промыслами по договорной рядной записи и по зарушной росписи мясницкой полусотни Федоровской жены Щепоткина Авдотьи* [КСГ: 160]. О торговле мясом свидетельствуют записи, в которых отмечается прилагательное *мясной*: *Полки мясные и хлебные... всего 7 полков* [КЧ: 54]; *На Кекуре же 26 лавок да анбар торгуют в них мясным и всяким мелочным товаром* [Ш 5₂: 620].

Название человека по профессии нередко становилось индивидуальным прозвищем, на основе которого впоследствии возникала фамилия. Так появилась в Прикамье отпрозвищная фамилия **Мясников**, ср.: *Чердынец Михалко Завьялов сын Мясников* [КЧ: 49]; *Крестьянин деревни Кропачиха Потапко Никитин сын Мясников* [Е: 104].

Употреблялась в пищу и свинина – **мясо свиное**: *В постороннем же анбаре мяса говяжься и свиного провеслого пять пуд* [КСАУ: 123]. В памятниках много записей о свиньях. Тогда как крупный рогатый скот пребывал в хозяйском дворе или в скотском стаде (*Отдана была у меня... скотному пастуху Созону Петрову в стадо... пасти корова шерстью красная* [КЗСИ: 488]), свиньи свободно перемещались по населенному пункту, а иногда и за его пределами: *Из того де ево двора вышли и у сенец двери не затворили... и свинья де розбила у них в доме корчагу с квасом* [КСАУ: 211]; *Свиньи де ево ответчиковы у него исца хлеб ево и репу съели а выходили де поскотинным огородом* [КА: 61]; *По конец поскотинного огорода его Лучки Перфирьева у реки Шаквы водою свиньи оплывали Семена Панова и того поскотинного огорода у реки Шаквы по обе стороны в воду и из воды на берег тропы пробиты* [КА: 62]. Кроме того, в судебных документах есть немало записей о краже свиней, особенно маленьких поросят: *Взял де он Степан на поле гулящего поросенка и того де поросенка он Степан на поле своем ел... чужих де овец и свиних поросят он не крадывал* [КЗСИ: 825]; *Убила де она Ефросинья свинью вебрика^б небольшого а чей де тот вебрик про то де он Савинко не ведает... Зарезав де она Ефросинья того вебря спрятала во двор свой... и того вебрика ела* [КЗСИ: 116].

Из судебных актов узнаем, что ели и баранину. Так, в одном из кунгурских актов читаем о краже и употреблении в пищу барана: *Ево Петрушку и сына ево вором и баранником называл для того что де он Петрушка с сыном своим Сенкою... Тимошки Пискуна воровски заколол овцу – барана* [КЗСИ: 139].

Есть записи о приготовлении пищи из свежего мяса, которое называли **свежиной**: *Он де Петрушка ево Данилка и татарина Кинку держал у себя в таях под овином... и свежину варил* [КА: 243]. Но чаще в памятниках встречаются записи о мясе, заготовленном для хранения. Его либо просто солили, либо солили и вялили. Вяленый продукт называли **провеслым**: *Мяса говяжься и свиного провеслого пять пуд пять гусей соленых же провеслых* [КСАУ: 123].

Слово **провеслый** ‘вяленый, высушенный на открытом воздухе’ отмечается в центральных и

северно-русских текстах XVI-XVII вв. [СлРЯ XI-XVII вв. 20: 102], с Русского Севера оно попало в пермские говоры того времени, но, к сожалению, не сохранилось в них (его нет в пермских диалектных словарях). Однако оно зафиксировано в соседних с пермскими говорах Среднего Урала: *Мясо посолят и вывесят, вот и было провеслое мясо... Ране летом-то провесло мясо едим* [СРГСУ 5: 23]. Отмечено оно в памятниках письменности XVII в. и в русских говорах Сибири XIX в., ср.: *Тринатцать пуд сала говяжься... мяса говяжься провеслово на четыре гривны* [Том. сл.: 231]; *Провесло мясо ладили, засолишь, на мочалку свяжешь, повешашь, на покос возили... Мясa провеслого наберут в поле, крупы, лапиши, там котлы, там и варят* [СРНГ 32: 95].

По-видимому, мясо еще и коптили. Об этом свидетельствует употребление слов **ветчина** и **окорок**, прошедших в ономастику (ср.: *Крестьянин слободки Пыскорского монастыря Федька Прокопьев сын Ветчина* [Е 1: 4]; *Крестьянин деревни Зырянка на речке Зырянке Иванко Окороков* [Я: 11]), а также упоминание о **ветчинном сале**, получаемом при копчении окороков и используемом для смазывания: *В откуп не отдавати... всяких мелких промыслов квасу сула масла конопляново и коровья ветчинного сала* [АПМ: 158].

Есть тексты XVII в., показывающие, что мясо в Прикамье использовалось иногда и в ритуальных целях. В 1675 г. в деревне Степаново Городище (около города Кунгура) житель деревни Кобеньяковы, черемисин (сылвенский *мариец*) Умербахтка Метяков украл белого быка. А в товарищах у него были Ишпулатко Ишинбаев да Екшибайко Келметев [КА: 21]. Быка увели в свою деревню, а через неделю убили на богомолье, как пишет составитель судебных документов об этом событии. Но богомолье было языческим: сылвенские марийцы до 70-х гг. XX в. хранили обычай моления в рощах и принесения жертвы определенному богу. «Подсчитано, что они поклонялись 41 богу и духу. Во время молений каждому из них предназначалась определенная молитва и жертва – жеребенок, бык, корова, гусь, утка» [Чагин 2002: 224]. Особенно ценились для жертвоприношений животные белой масти.

В нескольких допросах свидетелей по этому делу о краже говорится о том, что быка *молили*, т.е. в соответствии с ритуалом приносили в жертву, сопровождая это определенными молитвами: *Жена ево сказала принесли де то мясо которые молили* [КА: 23]. *Потом носили де мясо на всю деревню и делили, опрочь двух дворов. А которым де того мяса носили и тое деревни и оне де про то не ведали что краденое мясо или нет* [КА: 21]. Во показаниях скрывалось, где

именно было моление: *И того де он не знал... где де у них была мольба* [КА: 22].

Названия домашних и диких животных, мясо которых употребляли в пищу, проникали в антропонимию, становились некалендарными именами или прозвищами: *Житель деревни Чюдское Городище на реке Усолке Андриюшка Романов сын Вепрь* [К: 142]; *Крестьянин слободы Новое Усолье Кирилло Михайлов сын прозвище Кабан* [Е: 106]. На базе прозвищ из названий животных возникали фамилии, сохраняющиеся до настоящего времени: *Житель слободы Новое Усолье Максимко Анисимов сын Баранов* [Е: 88]; *Житель деревни Посетанка Степан Леонтьев сын Свиныи* [Стр 1: 142 об.]. Антропонимы памятников позволяют восстанавливать употреблявшиеся в прошлом названия животных, не отмеченные в текстах в качестве слов нарицательных, например *заяц, коза, телят* ‘теленки’ ср.: *Беспашенный крестьянин Камского Усоля Иванко Заяц* [Я: 4 об]; *Житель Чусовского Нижнего городка Ивашко Кузмин сын Коза* [К: 113]; *Крестьянин сельца Камасино на реке Чусовой Телят Глазунов* [К: 118].

Антропонимы позволяют восстановить некоторые коми-пермяцкие названия животных, употреблявшиеся в Прикамье XVI-XVIII вв. – *ыж* ‘овца’, *чань* ‘жеребенок’, *порсь* ‘поросенок’ [КПРС:], ср.: *Крестьянин села Комарово Григорей Ижиков* [Кун: 810 об.]; *Крестьянин погоста Янидор Федька Чанев* [Я: 25]; *Чердынец Савка Сюрпорсев* [РСЧ 4: 27] – из *сюр* ‘здоровый, упитанный’ и *порсь*.

Итак, в памятниках есть названия животных, мясо которых идет в пищу, а также основных продуктов из них (мясо, сало), но, к сожалению, нет апеллятивов, которыми называли виды пищи из этих продуктов, кроме слова *варево*: *Иван Демьянов принес к нему Степану в дом мяса говяжься с варивом* [КЗСИ: 825]. Однако гипотетически по данным ономастики можно восстановить названия кушаний, в которых могли употреблять мясо. Это печеные изделия (*пирог*) и вареные (*пельмень*), названия их реконструируемые по фамилиям XVII в., ср.: *Житель слободы Новое Усолье Федор Григорьев сын Пирогов* [Стр 2: 389]; *Житель Кунгура Федотко Пельменев* [КА: 117]. Впрочем, пельмени, как и пироги, в прошлом могли быть с различной начинкой, а не только с мясом. С мясом могли готовить *лапицу* (*Крестьянин деревни Шайтанова Васька Емельянов сын Лапишин* [КЧ: 66]) и другие кушанья. Мясо (*свежину*, *мясо провеслое*) варили отдельно от других продуктов.

Кроме мясного стола в питании жителей Прикамья большую роль играли молочные продукты, о которых мы знаем по лексике (*масло коро-*

вье), но преимущественно по данным антропоники (*молоко, сметана, простокваша и простокиша, забела*): *Купить им... рыбы всякой и масла коровьяго и конопляного* [Ш 2: 285]; *Крестьянин Деревни Кушелева Офонька Григорьев сын Масло* [КЧ: 59]; *Крестьянин деревни Очга Андриюшка Молоков* [Я: 26]; *Келарь Пыскорского монастыря Мисаил Сметана* [АПМ: 28]; *Крестьянин деревни Шакиер Ивашка Простоквашии* [РСЧ 5: 57 об.]; *Били челом великому гсдрю... старцы Соли Камской на посацкого члвка на Андриюшку Простокишу* [АПМ: 201 об.]; *В Усолье Камском Федька Забелин* [КС: 154]. Диалектное слово *забела* ‘сметана как приправа к кушанью, преимущественно жидкому’ сохранилось в пермских говорах: *С крошками, с забелой редьки нахлебашься... Грибы с забелой ели сметанки положишь в соленые грибы* [СПГ 1: 268].

Продукты животноводства играли большую роль не только в питании, но и различных промыслах. В документах Прикамья записано много *овчинников* и *кожевников*: *В городе Чердыни Митка овчинник* [Я: 14]; *В городе Камского Усоля Никитка кожевник* [Я: 4]. Они выделяли овчины и кожи: *Овчина черная* [КЗСИ: 358]; *Шил три шубы овчинных* [КА: 69]; *Мехи кузничные кожи дубленой* [КЗСИ: 916]; *Взяли... ис той кузницы с железом моим да з запоном [фартуком] железным козловым цена железу и запону гривна... и запон телятиной изрезали* [КЗСИ: 1010].

В Кунгуре, основанном на современном месте в 1663 г., уже в XVII в. закладывается такой промысел, как мыловарение, для которого был необходим жир: *Дал я... на мыльное варение тринадцат пуд сала говяжься зореного [топленого] а от того мыльного варения ряжено было найма рубль 31 алтын... Иван ис того моего сала сварил и отдал мне мыла только шесть пуд* [КСАУ: 9]; *Шесть безмен мыла масляного цена 10 алтын* [КЗСИ: 522 а]. Кунгурское мыло славилось хорошим качеством, его вывозили во все уезды Пермского края и за пределы Прикамья. Оно упоминается в народных песнях: *Как у немзинских⁷ у девушек / Затоплялися мыленки, / Разгоралися дровечика, / Дровечика-то самосушныя, / Самосушныя да самовальныя, / Наносили воды колодезные, / Нагревали слизкого щелоку, / Набирали мыла кунгурского* [Чердынская свадьба: 170].

В Прикамье активно разводили разную домашнюю птицу – кур, гусей, уток, индюков, которых называли индейскими курицами: *Крала она у темной [слепой] Марьи Исаковой жены пять куриц и сало топленое* [КЗСИ: 843]; *Кто того гуся убил или собака свела или сам тот*

*гусь пропал того де он Степан не ведает [КЗСИ: 945]; Сапани Жданов травил у меня собаками своими... моих шестнадцать гусей кормленных белых и серых и пестрых [КЗСИ: 970]; Вынели де ис-под гусихи Марфины пять ящ [КЗСИ: 408]; Сулил он Андрей ему Исааку хмелю мешек да **индейских куриц гнездо** [КЗСИ: 1005].*

Кроме того, добывали диких птиц: *Никаким людем в той реке рыбы ловить и **уток** не велеть [КА: 1]; Андрея в доме не было уходил в лес **рябей** [рябчиков] ловить [КЗСИ: 271].* Причем обычно в птиц не стреляли, их ловили с помощью сетей, установленных на просеках: *По Яйве ж вниз до плохи перевесные что птицы ловят [Ш 2: 298].*

Жители Прикамья хорошо представляли птичий мир своего края, в их языке была развита тематическая группа названий птиц. Идущая из древности традиция употреблять эти названия как некалендарные имена или прозвища (Белогузка, Воробей, Ворон, Ворона, Гагара, Гусь, Жаравль, Клест, Коростель, Орел, Рябок, Рябуха, Синица, Совка, Сокол, Соловей, Тетеря, Утка, Чиж, Чирок) позволила сохранить их в составе формирующихся фамилий, ср.: Бакланов, Балабанов, Бугуев, Галкин, Гоголев, Голубев, Горкунов, Дроздов, Дятлев, Жаворонков, Жунев, Журавлев, Канюков, Клепицын, Клестов, Колпицын, Коршунов, Кречетов, Крохолов, Куликов, Куров, Лебедев, Моклоков, Перевощиков, Плишкин, Рябев, Селезнев, Скворцов, Снегирев, Соколов, Соловьев, Сычев, Турпанов, Цаплин, Чевелев, Черников, Черногузов, Чернышев, Шилоносов. В основе пермских прозвищ и фамилий лежат и заимствования из коми языка в русских говорах Прикамья: Дозморов (**дозмир** ‘глухарь’ [КПРС: 124]), Сизев (**сизь** ‘дятел’ [КПРС: 428]), Сюзев (**сюзь** ‘сова, филин’ [КПРС: 467]), Сырчиков (**сырчик** ‘трясогузка’ [КПРС: 461]), Яборов и Ябуров (**ябыр** ‘скворец’ [КПРС: 591]).

Среди птиц, названия которых сохранились в лексике пермских текстов или в составе антропонимов, были и добываемые для питания: **гусь** (дикий), **дозмор**, **рябок**, **рябь**, **тетеря**, разные породы диких уток – **гоголь**, **крохаль**, **моклок**, **турпан**, **утка** (дикая), **черник**, **черныш**. Птицу, как и мясо животных, заготавливали впрок, в основном вялили: *Пять гусей соленых же **провеслых*** [КСАУ: 123].

Таким образом, разведение скота и птиц, а также охота на лосей, кабанов, зайцев и ловля диких птиц давали жителям Прикамья надежную основу мясного и молочного стола.

Вместе с тем большую долю в питании жителей Пермского края составляла рыба, даже существовало прозвище **Кова**, одно из значений которого – ‘человек, питающийся более рыбой, чем хлебом’ [СРНГ 14: 23]. От него могла быть

образована пермская фамилия **Ковин**: *Житель Соли Камской Микифор Ильин сын **Ковин*** [КСГ: 126], *Крестьянин деревни Сыскова Тимофей Куприянов сын **Ковин*** [Кун: 288 об.].

Действительно, Пермский край богат реками (по подсчетам географов их более 30 тысяч), есть в нем озера, и уже в далеком прошлом здесь создавали пруды. Все это давало большие возможности для ловли рыбы. В писцовых книгах обычно за жителями записывали на оброк определенное место рыбной ловли, ср.: *За рекою за Колвою посадиких людей Гришии да Ерша Ивакиных з братьею **рыбная ловля** в речке Чюдовке да в озере... оброку им с тое речки да с озера давати по десяти алтын на год [Я: 16 об.]; Покчинского погоста у крестьян **рыбная ловля**... в старой реке Колве в прокопи Пиминка Андреева... в речке Немыди Гилки Кочетова да Гришии Головы... [Я: 22 об.].* Иногда место рыбной ловли находилось за многие десятки километром от дома, например на реке Немыд, притоке Березовой, впадающей в Колву. Учитывалась даже подледная ловля рыбы: *Посадских же крестьян **рыбная ловля подледная** в Григорове озера а с тое ловли давати им чердынскому намеснику... по две бочки мелкие рыбы на год а за рыбу денгами рубль две гривны по дватцати алтын за бочку [Я: 6].*

В деловых памятниках разных жанров встречаются отрывки, в которых употребляются названия рыб, а также образованные от них антропонимы и лексика рыбного промысла. Так, в кунгурском акте 1668 г. читаем о рыбе, обнаруженной в стане у реки Иргины (бассейн Сылвы): *Досматривали рыбы на езу [о слове езу см. ниже] у священника Михайла с товарищи... и у них **рыбы** нашли в стану 16 **рыб красных** в колоде да **харьюзины** и **щюченины** 7 колод да мелких **харьюсов** кадочка да икры **красные рыбы** 8 безмен... и ту де он красную рыбу... в реке Иргине в езу поимал а 9 колод харьезов и сиук и ту де он рыбу ловил езда по реке Иргине сырпом [КА: 2].* Слова на -ин(а) (**харьюзина**, **щюченина**) употребляются здесь как собирательные существительные.

Особо ценилась **красная рыба** – лосось и **белая рыба** – белорыбца: *Челобитье... на наемного своего работного человека Никитку Ферাপонтова в утерянных трех **белых рыб*** [КЗСИ: 539 а]. «Член-корреспондент Академии наук П.И.Рычков отмечал в 1762 г., что в Каме “рыбы довольство всякой, а особенно белой рыбыцы и лососей более, нежели в Волге”» [Кириянов и др. 2007: 18]. Каспийский лосось поднимался до Чусовой и даже выше [там же], а цитируемый нами выше памятник 1668 г. свидетельствует о том, что лосось в XVII в. из Чусовой заходил в Сыл-

ву, далее в ее приток Ирень и во впадающую в Ирень речку Ирину.

В расспросных речах 1667 г. о землях к северу и востоку от Перми (т.е. в XVII в. от центра Перми Великой – города Чердыни), в которых записаны результаты опроса чердынцев, сообщается: *Озеро прозваньем Чусовое⁸... в том озере имеется мелкие щуки язи и плотицы... Река прозванием Печера а до той де реки от города Чердыни болши трехсот верст а та река немногорыбна рыбы де в той реке бывают нельма ли ни щюки сизи харьюзи леци семга а семгирыбы в той реке мало и бывает не по вся годы* [Ар, пер. 7. III: 939]. Хариуса в памятниках Прикамья называли словами *харьюз* и *харьюс*.

В Прикамье, как и в других регионах России, названия рыб нередко становились некалендарными именами и индивидуальными прозвищами: *Крестьянин погоста Ильинский на реке на Обве Гришка Васильев сын Гольян* [КЧ: 137 об.]; *Чердынец Ериш Ивакин* [Я: 13]; *Крестьянин деревни Бегич на реке Колве Митка Яковлев сын Ериш* [КЧ: 79]; *В деревне Таман над Таманскою курью Окунько Иванов сын Богатырев* [Б: 91 об.]; *Крестьянин деревни Чудское Городище на реке Усолке Васька Матвеев сын Осетр* [К: 142]; *Крестьянин деревни Чернышева Федька Лазарев сын Стерляг* (стерлядь) [Е I: 136]; *Крестьянин починка на речке Чермосе Алешка Щучка* [Б: 13].

На основе индивидуальных именованных возникли фамилии (Ершов, Окунев, Осетров, Стерлягов, Трескин, Щукин), и именно фамилии позволяют восстановить многие названия рыб, не попавшие в памятники в качестве слов нарицательных – *карась, лох, налим, острец, палтан, пыжьян, ряпус, ряпуха, сазан, сом, судак, терпуг, чабак*. Это касается прежде всего названия мелких, непромысловых рыб – *вандыш, молява, тюлька, частик, шакля*: *Крестьянин починка Красная Слутка Ивашко Данилов сын Вандышев* [Б: 65]; *Чердынец Тимошка Молявин* [РСЧ 5: 36]; *Крестьянин села Верх-Муллинское Матюшка Федоров сын Тюлькин* [Е: 119]; *Житель Камского Усоля Иванка Частиков* [Я: 5]; *Крестьянин деревни Чазева Семен Гаврилов сын Шаклеин* [Ч: 171 об.].

В речи жителей Прикамья отмечаются антропонимы из названий не только речных, но и морских рыб (*палтус, терпуг, треска*): *Крестьянин сьлвенской Рождественской вотчины Степан Палтусов* [Кун: 3]; *Крестьянин слободки Кишконогова на роднике Иванко Терпугов* [Я: 26]; *Чердынский беспашенный крестьянин Васюк Треска* [Я: 14 об.]. В пермские памятники попадали и антропонимы из названий морских животных (*морж, тюлень*): *Крестьянин села Ко-*

марово Наум Моржов [Кун: 565]; *Крестьянин починка Княгинина Гора на реке Чусовой Сенька Тюлень* [К: 117]. Ономастика из названий северных морских животных и рыбы была естественна в памятниках Прикамья, так как среди пермских жителей XVI-XVII вв. было много выходцев с Русского Севера, из Поморья, связанных ранее с морским промыслом, ср.: *Крестьянин починка Веселков на реке Косве Ивашко Поморец* [К: 149]; *Житель Соли Камской Ивашка Федоров сын Поморцов* [Ш 5₁: 108].

В писцовых и переписных книгах XVI-XVII вв. отмечается род занятий жителей края, среди которых упоминаются рыболовы: *Чердынец Михалко рыбалов* [Я: 13 об.]; *В городе Чердыни Романко рыболов* [Я: 13]; *Чердынец Кондрашко Нифонтов сын рыбалов* [КЧ: 49 об.].

Названия людей по роду занятий становились прозвищами, а затем на их основе возникали фамилии.

Судя по памятникам, в Прикамье использовали различные орудия ловли рыбы (*мережи, морды, неводы, оханы, переметы, подольники, сырпы, уды*), названия которых иногда непосредственно зафиксированы в деловых текстах: *Герасим с Девятькилдеевского озера мережу рыболовную украл... он Герасим тое мережу с вешал у меня украл* [КЗСИ: 835]; *А буде уловят бобра в мережу или в морду и им Павлу с товарищи тех бобров не таить* [КЗСИ: 183]; *В Каме рыбная ловля... в весне оханами плавают и подольниками ловят* [Ш 2: 311]; *Для рыбной ловли русские люди ходили до Писаного камня и рыбу ловили сырпами а не большими неводами* [Ш 5₁: 405]; *И ту де он рыбу ловил... сырпом* [КА : 2].

Некоторые названия орудий для рыбной ловли возможно предположительно восстановить на основе образованных от них фамилий (*ветель* ‘рыболовная снасть’, *кипа* ‘род невода из прутьев’, *кукан* ‘бечева, на которую нанизывают рыбу’, *перетьяга* ‘рыболовная сеть, которую ставят поперек реки’, *шарда* ‘один из рыболовных снарядов’⁹), ср.: *Крестьянин погоста Мошево Софонко Ветелиных* [РСЧ 4: 72]; *Чердынец Ивашко Кипин* [РСЧ 5: 49]; *Крестьянин Вознесенского острожка Ярафей Куканов* [Кун: 802 об.]; *Житель Вознесенского острожка Данила Перетьягин* [Кун: 589 об.]; *Крестьянин Чусовского Нижнего городка Ивашка Данилов сын Шардин* [К: 112].

В зависимости от вида лова рыбы называли и определенные уголья на реке: *И оханные и мережные и переметные и подольничные и переводные и бережные и всякие уголья кому которые достались* [Ш 2: 312]. Орудия и места ловли рыбы охарактеризованы в исторической и крае-

ведческой литературе [ср.: Кирьянов и др. 2007; Рыбалка 2007].

На реках били (создавали, строили) бережники и езы. Бережник из вбитых в дно стволов деревьев для задержания рыбы строился от одного берега и перекрывал только часть русла: *В Каме-реке и в Яйве за межами против своих деловых земель езы и бережники волно бити* [Ш 2: 298]. Ез перекрывал русло реки или протоку между берегом и островом: *Был де у них к рыбной ловле ез* [КЗСИ: 983]; *И езы ему бити через Каму волно в своей меже* [Ш 2: 295]; *Да на Тулве-реке езишко* [Ш 2: 471]. Место на реке, где ставили ез, называлось *езовищем*: *Исстари езовище бывало на Яйве-реке меж новотеребом и меж Санниковыми* [Ш 2: 299].

Слово *ез* отмечается еще в древнерусских текстах XIV в. [СлРЯ XI-XVII вв. 5: 37]. Его более древняя форма – *яз*, родственная украинскому *яз* ‘запруда, плотина’, болгарскому *яз* ‘запруда, шлюз’, сербохорватскому *јаз* ‘отводной канал рядом с мельничной запрудой’, чешскому *jez* ‘запруда’, словацкому *jaz*, *jez*, польскому *jaz*, полабскому *jaz* ‘канал’, восходит к праславянскому **ǰmъzь* [Фасмер 4: 549]. Оно было широко распространено в русских говорах центра России [Сл. Подмосковья: 129], новгородских [НОС 2: 115], Русского Севера, откуда шла основная масса русских переселенцев в Прикамье в XVI-XVII вв. [СГРС 3: 309].

Езы создавали по-разному: либо забивали в дно реки стволы деревьев, в которых застревала рыба, отсюда выражение *бить ез*, либо создавали ез как сложное сооружение. Особым образом забивали в дно реки сваи, между которыми располагались жерди; к отверстию между ними присоединяли длинный рукав, сделанный из сети, или вершу, морду, куда и попадала рыба. Ез обслуживал караульный, дававший знак рыбакам на лодке, что в ловушку набилась рыба и можно подъезжать и выбирать ее. Фиксируется и такое название еза, как *езовой завод*, например: *Будучи пониже деревни Леку обсиля водою нанесло нас на езовой завод а на том езовом заводе караулу никакова никово не было* [КЗСИ: 983]. Иногда езы сооружали только на зимнее время для ловли налимов, ср.: *Через Каму ез бьют зимней* [Ш 2: 311].

Ез на реке Каме около города Перми, сооруженный на протоке между берегом и исчезнувшим ныне (в связи с подъемом уровня Камы) островом, подробно описан и зарисован в 60-е гг. XVIII в. путешествовавшим по России адъютантом Академии наук И.И.Лепехиным [Кирьянов и др. 2007: 49-50]. Сведения о том, что здесь было *езовое место*, отмечены и в более ранних деловых документах Строгановых, например в 1623 г.: А

что был на реке Каме ез ниже Чусовского устья и ныне того езу нет а то езовое место ныне за Иваном да за Максимом по-прежнему [РГАДА 1278: 46]. Ез там ставили в разное время на протяжении столетий до начала XIX в.

В пермских памятниках отмечаются названия изготовителей орудий для рыбной ловли с суффиксами *-ник* или *-щик* (*оханищик*, *удник* и др.): *Житель Усолья Камского Лучка Евтефеев сын удник* [КС: 156 об.]; *Работники именитых людей Строгановых... Семен оханищик...* [ДАИ 2: 114]. От таких названий образовывали фамилии: *Крестьянин деревни Кропачиха на речке Поповке Сенька Михайлов сын Оханищиков* [Е: 104]; *Чердынец Ивашко Удников* [КЧ: 50 об.]; *Крестьянин Медянского острожка Артемей Мережников* [Кун: 149 об.].

Из пермских фамилий мы черпаем некоторые сведения о ночном лове рыбы. Так, в разных местах Верхнего Прикамья была зафиксирована фамилия Кибанов: *Крестьянин деревни Верх-Уролка Ивашка Кибанов* [Я: 41 об.]; *Чердынец Исачко Кибанов* [РСЧ 5: 131]. Она восходит к прозвищу, видимо, из коми-зырянского слова *кыбан*, ср. *кыбан кирт* ‘род светца для огня, лучины (употребляется на носу лодки при лучении рыбы)’ [ССКЗД: 184, 169], т.е. ночной ловле, когда рыбу, плывущую на свет, били острогой; *кыбны* – ‘лучить рыбу, ловить рыбу острогой, лучением’ [ССКЗД: 184]. Самый простой способ освещения реки заключался в освещении реки зажженным свертком бересты, воткнутым в расщепленную палку, закрепленную на носу лодки. Иногда на носу лодки устанавливали *козу лученую* [КЗСИ: 910] – ‘Жаровню для разведения огня’ [СПЛСР 2: 70]. «Лучением занимались, как правило, парами. Один из рыбаков находился на корме и осторожно управлял лодкой при помощи весла или шеста. Луч освещал прибрежную часть реки, и рыбак, стоящий на носу лодки, закалывал в воде рыбу острогой, надетой на длинный шест» [Кирьянов и др. 2007: 70]. Прозвище *Кыбан* мог получить высокий, длинный, как палка светца или шест остроги, человек.

Название этого способа лова связывают со словом *луч*, отмечая, что такой лов возможен только ночью при освещении лучом [там же: 69]. Однако изначально глагол *лучить* был связан со словом *лук* ‘орудие для стрельбы’ и имел значение ‘стрелять, бить из лука, бросать’ ср.: *лучить* – диалектное вятское ‘бросать’, оренбургское ‘бить из лука’, украинское *лучити* ‘метить, попадать’, болгарское *лучб* ‘цельсь’, словенское *luviti* ‘бросать, кидать’, чешское *luviti* ‘стрелять из лука, бросать, попадать’, польское *luczuż* ‘метить, попадать’ [ЭССЯ 16: 133; Фасмер 2: 538]. Так что первично *лучить* рыбу – ‘бить ост-

рогой' (в любое время суток). Но так как днем рыбу добывали разными способами (ловили сетями и другими орудиями лова, а также били острогой), а ночью лишь били, то такой способ добычи, как лучение стали связывать только с ночным ловом, с освещением реки, со словом *луч*.

Добывали большое количество рыбы, ее употребляли в пищу, заготавливали впрок, ею торговали, уплачивали подати. И в XVI в. в самых ранних пермских памятниках появляется название торговца рыбой – *рыбник*: *Беспашенный крестьянин Камского Усолья Демка рыбник* [Я: 4]; *Житель слободы Новое Усолье на реке Каме Тимошка Григорьев сын рыбник* [Е: 88]. По сведениям из памятников о заготовке рыбы следует, что ее в основном вялили: *Флор привезл с Бр-битской ярманги на Кунгур щук вяленых дватцать пуд* [КЗСИ: 945].

Несмотря на активную ловлю рыбы в Прикамье, ее еще и покупали (см. цитату выше) или добывали за пределами Пермского края. Ряд памятников Перми Великой сообщает о взятии чердынцами на оброк в XVII в. печорских падунов, т.е. притоков Печоры, для ловли рыбы: *Он, Лаврушка, взял на оброк рыбную ловлю печорский падун реку Илыч на пять годов... И кто из них сверх прежнего оброку наддаст, тому тот печорский падун – реку Щугор и рыбные ловли отдать* [Ш 4: 522]; *Взял на оброк рыбную ловлю – печорский падун реку Подчерья* [Ш 2: 414].

В Чердынском уезде для добычи рыбы собирали артели, направлявшиеся вверх по Колве (далее – по ее притоку Вишерке, Чусовскому озеру, Березовке, Еловке, Вогулке) на Печорский волок, перейдя который, по речке Волоснице спускались на Печеру и входили в ее правые притоки Щугор, Илыч, Подчерья. Там рыбу ловили, а также покупали или выменивали на вещи у вогулов (манси): *Ходили на Печору-реку в Порыч и в Илыч Микифор Ларионов сын из Искоропостога да Онцифорко Васильев сын Судницын, Иван Макарьев сын, имали на артель Сидора Яковлева сына Бушкова. В Илыче покупали рыбу у вогулич, Микифор в артель клал, Анцифер рыбу покупал в артель не клал. А пошедцы говорили так: сколько рыбы накупим – в артель класти... Онцифорко Судницын березовским вагуличам товар на рыбу променивал а что променивал вагуличам на рыбу... наволочку шита одна сторона шолком да пугвицы серебряные без нашивки да двои завяски одне шолковы а другие шолковы протыканы золотом* [Ар, к. 3 799].

Обоз на Печору надо было отправить к определенному сроку, чтобы не упустить большой улов. Об этом говорят челобитные чердынскому воеводе с просьбой дать орудия лова – *дели* 'се-

ти' и *ужища* 'длинные толстые веревки, используемые для подъема из воды рыболовной сети', ср. челобитную 1646 г. чердынскому воеводе: *Государю Ивану Васильевичу рыболове твои Ивашко Федулов да Ивашко Калашиников челом бьют. Хотел ты, государь Иван Васильевич, жаловать отпустить на Печору-реку на рыбную ловлю с неводом... надобе к походу невод изготовить... да пожалуй, Иван Васильевич, вели дать рожь и всякой запас, чтоб, государь, хлеб к дороге и к походу испетчи. А рыбная, государь, ловля, Иван Васильевич, такова: который прежде приехал, тот больше и добыл. А лед государь от берегу, а у нас бы всего того было. А твоего, государь Иван Васильевич, жалованья – *делей и ужищ* – нам дать [Ар, к. 3: 849].*

Этот документ XVII в. перекликается с рассказом Д.Н.Мамина-Сибиряка «Зимовье на Студеной» конца XIX в. о чердынском санном обозе на Печору: «Обоз состоял возов из пятидесяти... На Печору чердынские купцы отправляли по первопутку хлеб, соль, разные харчи и рыболовную снасть, а оттуда вывозили свежую рыбу. Дело было самое спешное, чтобы добыть печорскую рыбу раньше других – шла дорогая печорская семга. Обоз должен сломать трудную путицу в две недели, и ямщики спали только во время кормежки, пока лошади отдыхали. Особенно торопились назад, тогда уж и спать почти не приходилось. А дорога через волок была трудная... Дорога скверная, каменистая, сани некованные, а по речкам везде наледи да промоины. Много тут погублено хороших лошадей, и людям приходилось работать как нигде: вывозить возы в гору на себе, добывать их из воды, вытаскивать из раскатов. Только одни колвинские мужики и брались за такую работу, потому что гнала на Печору горькая нужда» [Мамин-Сибиряк 1978].

Таким образом, в Прикамье XVI-XVIII вв. и много позже традиционно добывали и употребляли в пищу большое количество рыбы, о чем свидетельствуют памятники письменности. В них не попали прямые сведения о том, как готовили рыбу, хотя по косвенным данным можно судить о том, что ее ели соленой, вяленой, варили и жарили, ср. наличие котлов для варки и скоровод в хозяйстве жителей Перми: *Котел красной меди до скоровода* [КЗСИ: 358]. Варили *року* 'похлебку из ржаной муки с рыбой', ср.: *Чердынец Марчко Рокин* [РСЧ 4: 90].

Приведенный фактический материал из памятников письменности (и оставшийся за пределами данной статьи) и сопоставление его с данными памятников письменности других территорий и различных русских говоров XIX-XX вв., в частности пермских, позволяют сделать некото-

рые выводы о чертах языка и культуры в Прикамье XVI-XVIII вв.

В области лексики (апеллятивов) оказалось возможным уточнить некоторые этимологии (например *лучить рыбу, лучение*). Анализ синонимов (*скотина – животное, скотский – животинный, скотский – говяжий, выпуск – выгон, провеслый – вяленый, ряпус – ряпуха*) позволяет увидеть причины их использования в прошлом и изменения в их функционировании. Так, для живой речи было характерным употребление слов *скотина* и *скотский*, сохранившихся в пермских говорах, тогда как их синонимы *животина* и *животинный* были устаревшими, хотя и обычными в деловом языке XVI-XVII вв. Слово *выпуск* ‘место пастбы скота’ было связано с обычными в живой речи глаголами *выпускать, выпустить* (ср.: *Скот которой мой во дворе был заперт и тот скот из двора выпустили* [КСАУ: 211]). Его синоним *выгон* в Прикамье был характерен для официальных текстов.

Употребление разных слов в значении ‘подсоленный и высушенный на воздухе, в подвешенном состоянии’ в исследованных пермских памятниках связано с определяемым словом: мясо скота и птицы называлось *провеслым*, а рыба – *вяленой*. Причины того, как сложилась такая специализация и почему из двух синонимов в современных пермских говорах сохранился только один (*вяленый*), пока еще требует дальнейшего исследования.

Наличие однокоренных синонимов (*ряпус – ряпуха* ‘ряпушка’) продиктовано их разными источниками на различных территориях Пермского края.

Ономастика позволяет восстановить многие территориально ограниченные слова нарицательные, особенно из тематической группы «Рыбы» (*вандыш, варзуга, вахня, лашка, ленок, мандир, палтан, ряпус, ряпуха, стерляг* и др.), тогда как диалектные названия рыб (преимущественно мелких) не зафиксированы в текстах Прикамья в качестве апеллятивов. Они реконструируются на основе некалендарных имен, прозвищ и фамилий, образованных от таких апеллятивов.

Попавшая в поле нашего исследования диалектная лексика пермских памятников, зафиксированная непосредственно или являющаяся основой антропонимов, связана прежде всего с диалектной лексикой Русского Севера. Так, названия диких птиц в архангельских и вологодских говорах, принесенные в Пермский край, стали основами многих антропонимов Прикамья.

Для изучения языка и культуры Пермского края важны результаты взаимодействия русских и коми-пермяцких говоров, отразившиеся в па-

мятниках письменности XVI-XVIII вв., а именно в антропонимах от коми-пермяцких названий животных и птиц (*ыж, чань, порсь, дозмор, сизь*). Продукты питания и приготовленная пища в исследованных текстах имеют обычно русские названия.

Культура питания края в лексике и ономастике отражена фрагментарно, можно восстановить лишь некоторые ее особенности, преимущественно касающиеся источников мясной, молочной пищи и рыбы, заготовки продуктов питания, способов их хранения. Вместе с тем изучение этого материала позволяет восстановить некоторые стороны жизни в Прикамье в XVI-XVIII вв. (взятие на оброк пахотной земли, лугов, участков рек и озер, активное разведение домашнего скота и домашней птицы, различные способы ловли рыбы, заготовка продуктов впрок и др.) и особенности культуры многонационального края (ср. ритуальное языческое освящение мяса маришцами в кунгурской деревне).

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3/2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья», № 2.1.3/483 «Русская речь Пермского края: история и современность» и грантов РГНФ № 08-04-82404 а/У, № 08-04-82408 а /У, № 08-04-82410 а/У, № 09-04-82402 а/У, № 09-04-82403 а/У.

²Полякова Е.Н. Культура питания в Прикамье XVI-XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья первая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2009. Ч. 1. С. 3-17.

³Подкаменное, т.е. расположенное под Камнем. Камнем называли Уральские горы.

⁴В ссылках курсивом обозначены условные сокращения названий источников, прямым шрифтом – сокращения названий книг, статей, словарей в списке литературы.

⁵Редрый – красный, рыжий.

⁶Веприк – поросенок мужского пола.

⁷Немзя – деревня в Красновишерском районе Пермского края.

⁸Ныне Чусовское озеро в Чердынском районе Пермского края.

⁹Слово *шарда* в пермских говорах могло быть связано с коми-пермяцким глаголом *шардыны* ‘испугаться, напугаться; быстро ходить, бегать’, а также иметь и другие значения, не относящиеся к названию орудия ловли рыбы.

Условные сокращения

Полякова Е.Н. КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ В ПРИКАМЬЕ XVI-XVIII ВЕКОВ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ ПЕРМСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ). Статья вторая

ГАПК – Государственный архив Пермского края
Д. – дело
Док. – документ
Ед. хр. – единица хранения
Кол. – коллекция
Короб. – коробка
Л. – лист
об. – оборот
Оп. – опись
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГБ – Российская государственная библиотека
СПб. ИРИ – Санкт-Петербургский Институт российской истории
Ф. – фонд
Ч. – часть

Список источников с условными сокращениями

АПМ – Акты Пыскорского монастыря. Рукопись. Архив СПб. ИРИ РАН. Кол. 115. № 388.
Ар. к. – Пермские документы XVII – начала XVIII в. Рукопись. Архив СПб. ИРИ РАН. Ф. 122. Коробка №.
Ар. пер. – Пермские документы XVII – начала XVIII в. Рукопись. Архив СПб. ИРИ РАН. Ф. 122. Переплет. №.
Б – Список Соли Камской переписных книг переписчика князь Феодора Бельского 187 (1678) году. Копия. Рукопись. ГАПК. Ф. 597. Оп. 1. Д. 22.
ДАИ 2 – Дополнение к «Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией». СПб., 1846. Т. 2.
Е – Переписная книга воеводы Прокопья Козмича Елизарова 7155 (1647) г. по вотчинам Строгановых // Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С. 87-146.
Е 1 – Список с переписных книг Соли Камской переписи воеводы Прокофья Кузмича Елизарова 7155 (1647) году марта в 27 день. Рукопись. ГАПК. Ф. 597. Оп. 1. Д. 18.
К – Писцовая книга Михаила Кайсарова по вотчинам Строгановых 1623-1624 гг. // Дмитриев А. Пермская старина: Сборник исторических статей и материалов о Пермском крае. Пермь, 1889. С. 110-194.
КА – Кунгурские акты XVII века (1668-1699 гг.). СПб., 1888.
КЗСИ – Кунгурская земская судная изба. Рукопись. РГАДА. Ф. 687. Оп. 1. Ед. хр. №.
КС – Писцовая книга Михаила Кайсарова Соли Камской 1623 г. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. 208. Л. №. 153-186.

КСАУ – Кунгурские судебно-административные учреждения XVII-XVIII вв. Рукопись. РГАДА. Ф. 1015. Оп. 1.

КСГ – Копии соликамских грамот XVI-XVIII вв. Рукопись. Пермская краевая библиотека им. А.М.Горького. Ф. редкой книги. № 61593.

Кун – О приписных и государственных крестьянах Кунгурской округи, 1782 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 3. Ед. хр. 374.

КЧ – Писцовая книга Михаила Кайсарова Перми Великой 1623 г. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. 308. Л. 46-152.

РГАДА 1278 – Фонд Строгановых. Рукопись. РГАДА. Ф.1278. Оп. 2. Ч. 1.

РСЧ 4 – Расписные списки. Рукопись. 1682 г. РГАДА. Ф. 137. Оп. «г. Чердынь». Ед. хр. 4.

РСЧ 5 – Расписные списки. Рукопись. 1697 г. РГАДА. Ф. 137. Оп. «г. Чердынь». Ед. хр. 5.

Стр 1 – Сказки о числе дворовых, мастеровых, крестьян в вотчинных селениях и деревнях барона Строганова Соликамского уезда Пермской губернии по ревизии 1762 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 2950. Л. 1-211.

Стр 2 – Сказки о числе дворовых, мастеровых, крестьян в вотчинных селениях и деревнях барона Строганова Соликамского уезда Пермской губернии по ревизии 1762 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Ед. хр. 2950 а. Л. 212-391.

Ч – Ревизская сказка Чердынского уезда 1711 г. Рукопись. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. № 2357.

Ш 2 – *Шишонко В.Н.* Пермская летопись. Второй период. Пермь, 1882.

Ш 3 – *Шишонко В.Н.* Пермская летопись. Третий период. Пермь, 1884.

Ш 4 – *Шишонко В.Н.* Пермская летопись. Четвертый период. Пермь, 1885.

Ш, 5₁ – *Шишонко В.* Пермская летопись. Период 5. Часть 1. Пермь, 1885.

Я – Писцовая книга Ивана Яхонтова Перми Великой 1579 г. Рукопись. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 256. Д. 308.

Список литературы с условными сокращениями

Акчим. сл. – *Словарь* говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области / Под ред Ф.Л.Скитовой. Пермь: Изд-во Перм. унта, 1984-2003. Вып. 1-5.

Кирьянов И.И., Коренюк С.Н., Чагин Г.Н. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. Пермь: «Книжный мир», 2007.

КПРС – *Коми-пермяцко-русский словарь* / Сост. Р.М.Баталова, А.С.Кривошекова-Гантман. М.: «Русский язык», 1985.

КЭСЛЯ – *Краткий этимологический словарь* коми языка / Сост. В.И.Лыткин, Е.С.Гуляев. М.: Наука, 1970.

Полякова Е.Н. КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ В ПРИКАМЬЕ XVI-XVIII ВЕКОВ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКИ И ОНОМАСТИКИ ПЕРМСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ). Статья вторая

Мамин-Сибиряк Д.Н. Зимовье на Студеной. Свердловск: Сред.-Урал. книж. изд-во, 1978.

НОС – *Новгородский* областной словарь / Отв. ред. В.П.Строгова: В 13 вып. Новгород: Изд-во НГПИ. 1992-2000.

Поляков Ю.А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья: сборник статей / Перм. ун-т. – Березники, 2001. Вып. 1. С. 10-19.

Рыбалка – *Рыбалка* в Пермском крае. Изд. 3-е с доп. и изм. Пермь: «Раритет-Пермь», 2007.

СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера / Под ред. А.К.Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2005. Т. 3.

Сл. Подмосковья – *Иванова А.Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М.: МОПИ., 1969.

СлРЯ XI-XVII вв. – *Словарь* русского языка XI-XVII вв. М.: Наука, 1975-2008. Вып. 1-28.

СПГ – *Словарь* пермских говоров / Ред. А.Н.Борисова, К.Н.Прокошева: В 2 вып. Пермь: «Книжный мир», 2000-2002.

СПЛСР – *Словарь* промысловой лексики Северной Руси / Ред. Ю.И.Чайкина. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2005. Вып. 2.

СПП – *Словарь* пермских памятников XVI – начала XVIII века: В 6 вып. / Сост. Е.Н.Полякова. Пермь: Изд-во Перм. ун-та: 1993-2001.

СПФ – *Полякова Е.Н.* Словарь пермских фамилий. Пермь: «Книжный мир», 2005.

СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Ред. И.А.Подюков. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

СРГСУ – *Словарь* русских говоров Среднего Урала: В 7 вып. / Под ред. А.К.Матвеева. Свердловск. Изд-во Урал. ун-та. 1964-1988.

СРГСУ-Д – *Словарь* русских говоров Среднего Урала: Дополнение / Под ред. А.К.Матвеева. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та, 1966.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров / Под ред. Ф.П.Филина, Ф.П.Сороколетова. СПб., 1966-2008. Вып. 1-41.

ССКЗД – *Сравнительный* словарь коми-зырянских диалектов / Под ред. В.А.Сорвачевой. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1961.

Том. сл. – *Словарь* народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / Под ред. В.В.Палагиной, Л.А.Захаровой. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2001.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Изд-во «Прогресс»,

Чагин Г.Н. Народы и культуры Урала в XIX-XX вв.: Учебное пособие для учащихся 10-11 классов обще-образовательных учреждений. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2002.

Чердынская свадьба / Сост. И.Зырянов. Пермь: Перм. книж. изд-во, 1969.

ЭССЯ – *Этимологический* словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Отв. ред. О.Н.Трубачев. М.: Наука, 1974-2008. Вып. 1-34.

**PRIKAMYE FOOD CULTURE OF THE XVI-XVIII CENTURIES
(LEXICS AND ONOMASTICS DATA OF PERM WRITTEN MONUMENTS).**

The second article

Elena N. Polyakova

**Professor of General and Slavic Linguistics
Perm State University**

The present study is concerned with the names of fish, meat and dairy products as well as the basis they give for nicknames and surnames mentioned in written monuments of Perm region of the XVI – early XVIII centuries. The lexics and onomastics reveal the Russian North food culture continuity, preservation of the basic traditions of this culture in the Prikamye region of the XVI – XX centuries, language and cultural connection of the Russians and the Komi-Permyaks. The Perm ethnographic data of the XIX – XX centuries are enriched with the results of the official documents of the XVI – early XVIII centuries analysis, which is valuable for ethnography as well as for history of the Russian language and onomastics.

Key words: lexics, onomastics, food culture, meat, fish, dairy products.